

писать просто чернилами «своего сердца» вне всякой традиции: искренность не отменяет литературного искусства и художественного метода. С другой стороны, надо сказать и обратное в адрес тех, кто, отрицая строгую историчность тех или иных эпизодов какого-либо произведения (например, «Слова о полку Игореве»), пытается доказать их литературность: не к чему уничтожать историчность произведения, чтобы доказать его художественную природу. Действительность чрезвычайно многообразна, фактов много, а художественное обобщение отбирает эти факты в духе своего художественного метода и в духе своей литературной традиции.

Литературная традиция и исторические факты не находятся в контрадикции.

2. О методике атрибуции древнерусских литературных произведений

В той же статье «Повесть XIII века об Александре Невском» Н. В. Водовозов приходит к следующему выводу: «Слово о гибели Русской Земли», «Повесть об Александре Невском» (т. е., вернее, житие, — Д. Л.) и «Моление» Даниила Заточника написаны одним автором. Главный аргумент Н. В. Водовозова, которому подчинены остальные, следующий: «Мог ли молчать Даниил, когда Русская земля лишилась такого великого сына, как Александр Невский? Если Даниил был жив (а это, судя по его возрасту, вполне вероятно, так как в год смерти Александра ему было бы лет 65 или только немногим более), то кто же, как не он, взялся бы за благодарную задачу рассказать о жизни и подвигах такого человека, который не только соответствовал его идеалу главы государства, но и лично для него был „добрым“, идеальным господином?» (стр. 44).³ Если идти дальше этим методом, то можно легко свести все многообразие русских писателей к двум-трем в каждом поколении. «Кто же, как не он» — этот риторический вопрос особенно коварен в отношении тех эпох, в которых нет полного списочного состава писателей. К сожалению, стремление подыскать каждому произведению вполне определенного автора появляется чаще, чем находятся к тому реальные основания. Особенно часто подыскивают определенные имена для автора «Слова о полку Игореве». Но еще хуже, когда литературоведы объединяют нескольких авторов. Это объединение нескольких авторов есть обеднение литературы, оно зиждется на представлении, что писателей было мало и писать было некому («кто же, как не он!»).

³ Дополнительные («подчиненные») аргументы таковы: «Даниил мог принимать участие в княжеском совете» (стр. 41) князя Ярослава, он мог быть тем самым советником, который советовал Юрию и Ярославу «творить мир» накануне Липицкой битвы (стр. 42), этот «осторожный совет мог быть воспринят как доказательство трусости советника» (стр. 42), «легко допустить, что советник, предостерегавший князя от битвы, поплатился за свою осторожность» (стр. 42), затем он «мог находиться вместе с ним (с Ярославом. — Д. Л.) в Новгороде и мог быть „самовидцем возраста“ его сына — Александра» (стр. 42), после смерти Ярослава он «должен был стать слугой Александра Ярославича Невского, от которого лично мог слышать подробные рассказы о Невской битве 1240 года и о „Ледовом побоище“ 1242 года. Этим, кстати, легко бы объяснялось то странное (? — Д. Л.) обстоятельство, что автор „Повести“, близкий к Александру Невскому человек, не участвовал ни в одном из этих важнейших сражений» (стр. 42—43). Далее идет новая цепь «легких» объяснений и предположений: Александр Невский «хорошо (! — Д. Л.) знал „Моление“ Даниила» (стр. 44) и Александр Невский «много извлек для себя практически ценного из этого „Моления“. Ведь Александр Невский с его выдающимся умом не мог не понимать, что именно такой правитель нужен был Русской Земле» (стр. 44). Итак, «мог», «мог», «мог», «мог», а под конец «не мог не...».